

Автор перевода: Озрик

Стивен Кинг История Лиззи

1. Лиззи и Аманда (Всё по-прежнему)

1

Супруги известных писателей для публики почти не заметны – никто не знал об этом лучше, чем Лиззи Лэндон. Ее муж был лауреатом Пулитцеровской и Национальной Книжной премий, но за всю свою жизнь Лиззи дала всего одно интервью для известного женского журнала, публикующего колонку «Да, я замужем за знаменитостью!» Едва ли не половину всего интервью в 500 слов она объясняла, с какими словами рифмуется ее имя, а большую часть второй половины она рассказывала о своем рецепте ростбифа, готовящегося на медленном огне. А на фотографии рядом с интервью, как сказала Лиззи ее сестра Аманда, она выглядела толстой.

Все три сестры Лиззи не могли отказать себе в удовольствии учинить какую-нибудь неприятность (“замутить бучу”, как говорил их отец) и все они любили хорошенько порываться в чужом грязном белье, но труднее всего Лиззи было с Амандой. Аманда, самая старшая (и самая странная) из сестер, в бытность свою девчонок Дебушер из Лизбон Фоллс, жила одна в маленьком домике неподалеку от Касл Вью, который купила для нее Лиззи, чтобы она сама, Дарла и Кантата могли держать её в поле видимости. Лиззи купила его семь лет назад, за пять лет до того как умер Скотт. Умер молодым. Умер раньше отведенного ему срока, как писали журналисты. Лиззи до сих пор было трудно свыкнуться с мыслью, что его нет уже два года. То казалось, что прошло намного больше времени, а иногда, что случилось это совсем недавно.

Аманда появилась на третий день после того, как Лиззи, наконец, начала приборку в его кабинете, длинном и прекрасно освещенном ряду комнат, которые когда-то были просто помещениями над амбаром. К тому моменту Лиззи уже

закончила составлять список всех зарубежных изданий его книг (их были сотни) и только что приступила к списку мебели, помечая в блокноте маленькими звёздочками те вещи, которые она собиралась оставить. Она ждала, что Аманда начнет ее спрашивать, почему она, черт подери, не пошевеливается с этим делом, но Аманда так ничего и не спросила. Лиззи уже закончила список и начала вяло разбирать коробки корреспонденции, сложенные в большом чулане, внимание же Аманды было по-прежнему сосредоточено на огромных кипах книг и журналов, лежавших вдоль всей южной стены кабинета. Почти ничего не говоря, она ходила взад и вперед вдоль этой напоминающей по форме змею горы и часто делала записи в блокноте, бывшем всегда под рукой.

Однако Лиззи не спрашивала «Что ты ищешь?» или «Что ты там записываешь?». Скотт не раз говорил, что у нее есть одно из редчайших человеческих качеств: она не лезла в чужие дела, если не лезли в ее. По крайней мере, пока кто-нибудь не начинал плести заговоры и готовить бомбы, правда, в случае с Амандой такую возможность никогда не стоило исключать. Аманда была из тех женщин, которые просто не могут не совать свой нос в чужие дела и которые рано или поздно начнут говорить.

Ее муж уехал из Рамфорда, где они жили до этого («как пара злобных хорьков, застрявших в сточной трубе», — заметил Скотт, после того как они съездили к ним в гости, чего он поклялся больше никогда не делать), на юг в 1985 году. Ее единственная дочь Интермеццо, или Мецци, как ее называли дома, уехала на север, в Канаду (со своим любовником-дальнобойщиком), в 1989 году. «Кто улетел на север, кто на юг за счастьем, а кто никак не мог заткнуть свой рот несчастный». Стишок этот придумал их отец, когда они были детьми; и, конечно же, дочкой Дэнди Дейва Дебушера, которая никогда не могла заткнуть свой рот, была именно Аманда, которую бросил сначала муж, а потом собственная дочь.

Иногда с Амандой было очень трудно, но Лиззи все равно не хотела, чтобы она оставалась в Рамфорде одна, пожалуй, если уж на то пошло, даже боялась, что с ней может что-нибудь случиться, если она останется одна. И пусть они никогда это не обсуждали, Лиззи была уверена, что Дарла и Кантата чувствовали то же самое. Поэтому она поговорила со

Скоттом и нашла небольшой одноэтажный домик, который можно было купить за девяносто семь тысяч долларов (оплата непременно наличными), и вскоре Аманда переехала в зону видимости.

Теперь же Скотт был мертв, а Лиззи наконец собралась заняться приборкой комнат, где он писал свои книги. К полудню четвертого дня зарубежные издания были собраны в коробки, корреспонденция разобрана и разложена в каком-то подобии порядка. К тому же, Лиззи уже определилась с тем, какую мебель нужно будет убрать, а какую оставить. Так почему же не проходило чувство, что она сделала так мало? Несмотря на все письма и телефонные звонки, не говоря уже о многочисленных визитах, которыми ей докучали после смерти Скотта, она с самого начала знала, что с этой работой не стоит торопиться. Она знала, что рано или поздно эти люди получат так их интересующие неопубликованные работы Скотта, но не раньше, чем она сама будет готова отдать их. Поначалу они этого не понимали, не въезжали, как частенько сейчас говорят. Сейчас же, как она полагала, большинство уже поняло.

Работы, которые оставил после себя Скотт, назывались по-разному, как правило, латинскими словами. Единственным из этих слов, которое она полностью понимала, было *меморабилия* – памятные, важные работы, но было еще одно забавное слово, которое звучало примерно как *инкункабилия*¹. Именно эту самую *инкункабилию* Скотта так хотели получить нетерпеливые, льстивые и агрессивно-настроенные посетители. Таких людей Лиззи стала называть инкушниками.

2

Уныние – вот, что чувствовала Лиззи, особенно после того, как приехала Аманда. Как будто бы она то ли недооценила сложность предстоящей работы, то ли переоценила (чересчур переоценила) свои силы, которые были нужны для того, чтобы довести ее до логического завершения: мебель, которую было решено оставить, убрана в амбар, ковры скручены и перевязаны, желтый фургон Райдер стоит на

¹ На самом деле это слово инкунабула – произведение раннего периода, то есть в данном случае, самые первые произведения Скотта – прим. перев.

подъездной дорожке и отбрасывает тень на деревянный забор, отделяющий ее двор от соседнего двора семьи Гэлловеев.

Ах да, и еще не стоит забывать о печальном сердце этого места – трех компьютерах (их было четыре, но один из “уголка памяти” Лиззи выкинула). Каждый из них был более новым и более легким, чем предыдущий, хотя даже самый новый был большим и стационарным. Все они до сих пор работали, но были защищены паролями, которых Лиззи не знала. Она никогда не спрашивала, что это были за пароли, и не имела ни малейшего представления, что за электронный мусор мог пылиться на жестких дисках компьютеров. Списки продуктов? Стихи? Эротика? Она знала, что он часто бывал в Интернете, но понятия не имела, что за сайты он посещал. Интернет-магазин “Амазон”? Желтый Интернет-журнал “Драдж”? Сайт, посвященный музыке кантри, “Хэнк Уильямс жив”? Или “Золотой дождь и башня власти Жестокой Мадам”? Она все же склонялась к мысли, что последнее было маловероятно, потому что тогда бы она видела счета (или, по крайней мере, замечала бреши в семейном бюджете), не говоря уже о том, что все эти рассуждения были полной ерундой. Если бы Скотт захотел скрыть от нее, что он тратит тысячу долларов в месяц, он мог бы легко это сделать. А пароли? Что самое смешное, вполне может быть, что он их ей говорил. Просто такие вещи она легко забывала. Она все время напоминала себе, что надо попробовать набрать свое имя. Может быть, после того как Аманда отлучится к себе домой на денек, чего, впрочем, в ближайшее время, по-видимому, не должно было произойти.

Она откинулась на спинку стула и сдунула со лба непослушную прядь волос. “Такими темпами я доберусь до рукописей только к июлю”, – подумала она. – “Инкушники бы с ума сошли, если бы увидели, как я тут копаюсь. Особенно тот, последний”.

Последний, приходивший пять месяцев назад, не выходил из себя и был очень вежлив, так что она уже начала думать, что может быть он не такой как все. Лиззи рассказала ему, что рабочий кабинет Скотта пустовал уже около полутора лет, но она почти уже собралась с силами, чтобы начать прибирать комнаты и разбирать вещи.

Ее гостя звали Джозеф Вудбоди, он был профессором кафедры английского языка и литературы Питтсбургского университета, в котором в свое время учился Скотт. Лекции

Вудбоди в рамках курса «Скотт Лэндон и американский миф» были очень популярны среди студентов, не говоря уже о том, что в этом году четыре аспиранта писали у него диссертации по творчеству Скотта Лэндона, поэтому было бы удивительно, если бы в нем не проснулся воин-инкушник, когда Лиззи начала говорить в таких расплывчатых выражениях, как «скорее раньше, чем позже» и «почти наверняка когда-нибудь этим летом». Но свое истинное лицо Вудбоди показал только после того, как она пообещала ему позвонить, «когда осядет пыль».

Он заявил, что тот факт, что она делила кровать с великим американским писателем, еще не означает, что она имеет право распоряжаться его литературным наследием. Этим, как он выразился, должен заниматься эксперт, а миссис Лэндон, если он не ошибается, никакого высшего учебного заведения не заканчивала. Он напомнил ей о том, что с момента смерти Скотта Лэндона прошло уже много времени и о том, что слухи с тех пор не утихали. По общему мнению, множество литературных произведений Скотта Лэндона, рассказов или даже романов остались неопубликованными. И не могла ли она пустить его в кабинет хотя бы очень не надолго, чтобы он очень быстро заглянул в картотеку и ящики письменного стола, хотя бы лишь для того чтобы опровергнуть самые невероятные слухи? Естественно, она может все это время быть вместе с ним в кабинете – это само собой разумеется.

– Нет, я еще не готова, – сказала она, указывая профессору Вудбоди на дверь, не обращая внимания на его выпады, по крайней мере, стараясь не обращать, потому что он был такой же чокнутый, как и все остальные. Просто он лучше и дольше это скрывал. – И когда я буду готова, я захочу посмотреть на все, не только на рукописи.

– Но...

Она кивнула, подтверждая правоту своих слов.

– Всё по-прежнему.

– Я не понимаю, что вы имеете в виду.

Конечно, он не понимал. Это было выражение из их со Скоттом семейного языка. Сколько раз Скотт влетал в дом со словами: «Лиззи, я дома. Всё по-прежнему?» И означало это – все ли в порядке, все ли нормально. Но, как и у большинства фраз силы (Скотт как-то объяснил ей, что это такое, хотя

Лиззи и сама уже об этом знала), у нее было и скрытое значение. И человек вроде Вудбоди никогда бы не смог понять скрытый смысл фразы "всё по-прежнему", даже если бы Лиззи объясняла ему целый день. Почему? Потому что он был инкушником, а когда дело доходило до Скотта Лэндона, инкушников интересовало только одно.

- Не важно, - сказала она профессору Вудбоди тогда, пять месяцев назад. - Скотт бы понял.

3

Если бы Аманда спросила у Лиззи, где сейчас вещи, которые лежали в "уголке памяти" Скотта - награды, декоративные тарелки и прочее - она бы соврала (а делала она это убедительно, особенно, учитывая то, что врал редко) и сказала, что положила их на хранение на специализированном складе в городке Меканик-Фоллз. Однако Аманда так об этом и не спросила. Она еще более нарочито листала свой блокнот, совершенно очевидно, для того чтобы ее младшая сестра сама подняла этот вопрос и спросила, зачем она это делает, но Лиззи так и не спросила. Она думала о том, насколько же пустым и *неинтересным* стал этот угол, теперь, после того как большинство памятных вещей Скотта были отсюда убраны и либо выкинуты (как, например, монитор компьютера), либо имели вид настолько неприглядный, что их было просто стыдно показывать. Такие вещи подняли бы много вопросов, большинство из которых осталось бы без ответа.

Наконец, Аманда сдалась и открыла свой блокнот:

- Погляди сюда, - сказала она. - Ты только погляди.

Аманда протянула ей блокнот, открытый на первой странице. Маленькие голубые полосочки, протянувшиеся от проволочных колечек слева до правого края, были исписаны числами ("напоминает закодированное послание какого-нибудь городского сумасшедшего, на которых все время натыкаешься в Нью-Йорке из-за того, что психиатрические лечебницы недофинансируются", - устало подумала Лиззи). Большинство из них были обведены кружками, всего несколько - квадратами. Аманда перевернула страницу, на второй было то же самое. Числа обрывались на середине следующей страницы. Последним было 846.

Аманда посмотрела на нее. Косой взгляд, красные щеки, надменное и в то же время какое-то забавное выражение лица; когда ей было двенадцать, а маленькой Лиззи всего два, это означало, что Аманды больше не было и Нечто Приняло Ее Облик, после этого всегда кто-нибудь начинал плакать. Чаще всего сама Аманда. Лиззи с интересом (к которому примешалась капелька ужаса) ждала, что же это выражение лица будет означать на этот раз. Аманда вела себя странно с тех пор, как приехала к ней. Может быть, все дело было в погоде, душной и гнетущей. Хотя, скорее всего, это было связано с внезапным исчезновением ее давнего бой-френда. Если у Аманды действительно приближалась эмоциональная буря, из-за того что Чарли Корриво бросил ее, тогда Лиззи следовало крепче пристегнуть ремни. Она никогда не испытывала симпатии и никогда не доверяла Корриво, банкир он там или нет. Как можно доверять человеку после того, как ты случайно слышишь на весенней распродаже домашней выпечки, что в баре «Мудрый тигр» его называют Мастер Лапша? Как у банкира может быть такое прозвище? Да и что оно вообще означает? И, естественно, он должен был знать, что в прошлом у Аманды были проблемы с психикой...

- Лиззи? - сказала Аманда вопросительным тоном, нахмутив бровь.

- Извини, - сказала Лиззи. - Я просто вроде как... отключилась на секундочку.

- Ты часто так отключаешься, - сказала Аманда. - Я думаю, у тебя это от Скотта. Смотри сюда, Лиззи. Я поставила маленькие номерки на каждом из его журналов и научных *штук*. Тех, что сложены вон там, у стены.

Лиззи понимающе кивнула, хотя не имела ни малейшего представления, к чему Аманда клонит.

- Я ставила номерки карандашом, легонько, - продолжала Аманда. - Только когда ты отворачивалась или уходила, потому что я подумала, что если ты увидишь, то попросишь меня больше это не делать.

- Я бы не попросила, - она взяла влажный от пота маленький блокнот. - Восемьсот сорок шесть! Так много! - При этом она знала, что большинство изданий, сложенных у стены, она сама не стала бы покупать или хранить дома, таких, например, как "0", "Хорошая хозяйка" и "Мисс" и тем более "Малый журнал университета Сьюэнни", "Поезд

мерцания”, “Открытый город” и вещи с совершенно непонятными названиями типа “Пискья”.

– На самом деле, их намного больше, – сказала Аманда и показала большим пальцем на стопки книг и журналов. Когда Лиззи посмотрела внимательней, она поняла, что ее сестра была права. Намного больше, чем восемьсот сорок с чем-то. Что не удивительно. – Всего их около трех тысяч. И я понятия не имею, куда ты их сложишь или кто захочет их взять. Нет, восемьсот сорок шесть – это только те, в которых есть фотографии тебя.

Сказано это было так нескладно, что Лиззи поначалу просто не поняла, о чем говорит Аманда. Когда же поняла, то пришла в восторг. Мысль о том, что где-то может быть вот такой неожиданный архив фотографий – скрытая до поры летопись, запечатлевшая время, проведенное ею со Скоттом – никогда не приходила ей в голову, но, задумавшись, она поняла, что это было совершенно не удивительно. Когда Скотт умер, они были женаты больше чем двадцать пять лет, и все эти годы он много и неутомимо путешествовал, читая свои произведения и лекции, постоянно пересекая страну туда и обратно, лишь изредка делая паузы в перерывах между книгами. В год он посещал ни много ни мало девяносто университетов и колледжей, и при этом кажущийся бесконечным поток его рассказов никогда не прекращался. И в большинстве этих путешествий она была с ним. В скольких мотелях она отпаривала его костюм, в то время как на ее стороне комнаты что-то бормотал телевизор, а на его стороне стучала переносная печатная машинка (в давние годы) или тихо шуршали клавиши ноутбука (намного позже), он сидел за столом, глядя на клавиатуру, а на его лбу лежала маленькая запятая волос.

Аманда смотрела на нее мрачно, потому что пока реакция сестры ей, совершенно очевидно, не нравилась.

– В подписях к тем, что обведены в кружок, их больше шестисот, с тобой обошлись некрасиво.

– Правда? – Лиззи была озадачена.

– Сейчас я тебе покажу, – Аманда заглянула в блокнот, подошла к длиннющей горе, снова заглянула в блокнот и выбрала два издания. Первым был на вид очень дорогой, в толстой обложке, выпускающийся два раза в год альманах университета штата Кентукки, находящегося в городке Боулинг

Грин. Второй был небольшим по размеру журналом, явно выпущенным студентами, под названием "Тяни-Бросай", один из тех журналов, который, как надеются выпускающие его студенты-филологи, будет очаровательным и получается абсолютно бессмысленным.

- Открой их! Открой! - скомандовала Аманда и пихнула их ей в руки, в этот момент Лиззи почувствовала резкий запах пота ее сестры. - Страницы помечены маленькими бумажонками, видишь?

Бумажонки. Словечко их матери. Сначала Лиззи открыла отмеченную страницу издания в твердой обложке. Здесь фотография, на которой были изображены она и Скотт, была очень четкой. Скотт шел к подиуму, а она стояла позади него и аплодировала. Аудитория стояла внизу и тоже аплодировала. Их фотография в "Тяни-Бросай" была далеко не такой четкой, она была испещрена точками, такими большими, как будто бы их поставили карандашом с плохо заточенным грифелем, а дешевая бумага была усеяна необработанными кусочками дерева, но все равно, глядя на нее, она чувствовала, что вот-вот заплачет. Скотт заходил в какой-то темный, наполненный шумом подвал. Она шла на шаг или два позади него, и ее улыбка была видна в отсвете необычайно яркой вспышки. Она даже могла разглядеть, что за блузка была на ней надета, та самая, голубая, от Анны Кляйн, с одной забавной красной полоской снизу на левой стороне. Все, что было ниже, терялось в тени. По правде говоря, она вообще не помнила конкретно тот вечер, но знала, что это должны были быть джинсы. Когда она уходила поздно вечером на какую-нибудь вечеринку, она всегда надевала пару выцветших джинс. Под фотографией стояла подпись: "Живая легенда Скотт Лэндон (вместе с подружкой) посетил в прошлом месяце клуб "Барак 17" университета штата Вермонт. Лэндон остался до позднего вечера, читал, танцевал, тусовался. Мужик знает, как нужно жить".

Да. Этот мужик действительно знал, как нужно жить. Она могла подтвердить.

Она взглянула на остальные журналы, ее душу неожиданно переполнила мысль о том, какие богатства можно было еще в них найти, и тут она поняла, что Аманда все-таки причинила ей боль, она нанесла ей рану, которая, скорее всего, будет кровоточить еще очень долго. Был ли он единственным, кто

знал о темных местах? О тех грязных темных местах, где ты был ужасно одинок и не мог ничего сказать? Может быть, она и не знала всего, что знал он, но она знала достаточно. Конечно же, она знала, что его что-то неотступно преследовало, что он никогда не смотрел в зеркало – если получалось, в любую отражающую поверхность – после захода солнца. И, несмотря на все это, она его любила. Потому что мужик знал, как надо жить.

Знал. Теперь он уже не жил. Покинул наш мир, как принято говорить. А ее жизнь перешла на новый этап, этап, когда она должна была жить одна, и теперь было слишком поздно оборачиваться назад.

От этой фразы ее передернуло, и она начала думать о том,
(пурпурное, и пегое сбоку)

о чем лучше не думать. Поэтому она переключилась на другое.

– Я рада, что ты нашла эти фотографии, – сказала она Аманде от всего сердца. – Знаешь, ты ведь довольно неплохая старшая сестра.

Как Лиззи и надеялась (но на самом деле не осмеливалась ожидать), Аманда была выбита из этого ее странного высокомерного и в то же время скрытного состояния. Она неуверенно посмотрела на Лиззи, будто бы пытаясь отыскать в ней хоть долю неискренности, но так и не нашла. Мало-помалу она расслабилась и стала той более спокойной Амандой, с которой общаться было намного легче. Она забрала блокнот и, нахмутив брови, посмотрела на него, как будто бы она не была полностью уверена, откуда он вообще взялся. Лиззи подумала, что, учитывая то, насколько сильно человеком могут овладевать числа, это был значительный шаг в правильном направлении.

Затем Аманда кивнула, как обычно делают это люди, вспомнившие что-то очень важное.

– На тех, которые не обведены в кружок, написано хотя бы твое имя, Лиза Лэндон, конкретный человек. И, наконец, как видишь, некоторые номера обведены в квадратики. Это фотографии, на которых ты одна! – Она выразительно, почти зловеще, взглянула на Лиззи. – На них ты захочешь посмотреть.

– Еще бы. – Она попыталась придать своему голосу взволнованности, хотя не могла представить себе, почему ее

могут заинтересовать фотографии, на которых она одна, снятые в те настолько быстро пролетевшие годы, когда она была со своим мужем – хорошим мужчиной, не инкушником, который знал, как надо жить, любить и заниматься любовью – с которым она проводила дни и ночи. Она взглянула на неаккуратно сложенные кипы журналов самых разных размеров и форм и представила себе, каково было бы просматривать их вот так, стопка за стопкой, номер за номером, сидя, скрестив ноги, на полу в уголке памяти (где же еще) и отыскивать фотографии, на которых изображена она и Скотт. И на тех, которые так выводили из себя Аманду, она всегда сможет увидеть себя, идущую немного за ним, смотрящую на него снизу вверх. Если на них аплодировали другие люди, она бы тоже непременно аплодировала. Ее лицо спокойное, не выдающее никаких эмоций, кроме вежливого внимания. На ее лице можно было прочитать: “Он не утомляет меня”. На ее лице можно было прочитать: “Он не приводит меня в экстаз”. На ее лице можно было прочитать: “Я не пойду ради него на костер, и он ради меня не пойдет” (ложь, ложь, ложь). На ее лице можно было прочитать: “Всё по-прежнему”.

Аманда ненавидела эти фотографии. Она смотрела на них и видела, как ее сестра играет роль специи для основного блюда, роль постамента для памятника. Она видела, как ее сестру иногда называют миссис Лэндон, иногда – миссис Скотт Лэндон, а иногда – и это было ужасно – вообще никак. Она низводилась до “подружки”. Для Аманды это было равносильно убийству.

– Мэнди?

Аманда смотрела на нее, стоя в лучах беспощадного солнечного света, и Лиззи вспомнила, поразившись до глубины души, что этой осенью Аманде будет шестьдесят. Шестьдесят! В этот момент Лиззи поняла, что думает о том, что преследовало ее мужа в течение стольких бессонных ночей – о том, о чем все профессора Вудбоди мира никогда не узнают, только если она им не расскажет. У этого преследователя была бесконечная пятнистая сторона, и лучше всего его видели раковые больные, смотрящие на капельницу, из которой вытекло все обезболивающее, и его не будет больше до утра.

“Оно очень близко, милая. Я его не вижу, но я слышу, как оно ест”.

“Заткнись, Скотт. Я не понимаю, о чем ты говоришь”.

- Лиззи, ты что-то сказала? - спросила Аманда.

- Я просто бормочу себе под нос, - она попыталась улыбнуться.

- Ты говорила со Скоттом?

- Да, я думаю, да, - Лиззи прекратила попытки улыбнуться. - Я все еще разговариваю с ним иногда. Я сумасшедшая, да?

- Не думаю. Нет, если это действует. Если бы это не действовало - вот тогда бы ты была сумасшедшей. Я-то уж знаю. У меня есть кое-какой опыт. Правда?

- Аманда...

Но Аманда уже отвернулась и смотрела на горы журналов: обычных, ежегодных, студенческих. Когда она снова посмотрела на Лиззи, на ее губах играла неуверенная улыбка.

- Я все сделала правильно, Лиззи? Я только хотела сделать то, что должна была...

Лиззи взяла руки Аманды и слегка пожала их:

- Конечно же. Знаешь, давай пойдём отсюда.

4

Я потерялся в темноте, а ты нашла меня. Мне было жарко, так жарко, и ты дала мне лёд.

Голос Скотта.

Лиззи открыла глаза с мыслью, что, делая какую-то работу по дому, она на секунду уснула, и ей приснился короткий, но очень яркий сон, в котором Скотт умер, а она взвалила на себя непомерную работу по уборке его кабинета. Открыв глаза, она тут же вспомнила, что Скотт действительно умер, а она спала у себя на кровати после того, как отвезла Аманду домой; а голос Скотта ей лишь приснился.

Казалось, она плыла в лунном свете. Она чувствовала запахи экзотических цветов. Тихий летний ветер колыхал волосы на ее висках, такой ветер дует долго после того, как наступает полночь в таинственных местах далеко от дома. Но все равно, это был ее дом, должен был быть ее дом, потому что перед ней был амбар, в котором был рабочий кабинет Скотта, который так притягивал инкушников. Теперь благодаря Аманде она знала, что там были все эти фотографии ее и ее покойного мужа. Все это закопанное сокровище, эмоциональный клад.

Может быть, лучше не смотреть эти фотографии, – шепнул ветер.

О, она была полностью с этим согласна. Но все равно знала, что посмотрит. Теперь, зная, что они там, она была бессильна что-либо поделать.

Ей было так хорошо оттого, что она плыла на огромном, залитом лунным светом куске материи, на котором снова и снова повторялась надпись “Лучший настил из Пилсбери”, а углы были завязаны в узлы, словно носовые платки. Было такое чувство, будто плывешь на облаке.

Скотт. Она попыталась произнести его имя вслух и не смогла. Сон не позволял ей. Она видела, что подъездная дорожка, ведущая к амбару, исчезла. Так же как и двор между ней и домом. На их месте было бескрайнее поле пурпурных цветов, спящих в заколдованных лучах лунного света. Скотт, я любила тебя, я спасла тебя, я...

5

Она проснулась и услышала, как повторяет в темноте снова и снова, будто заклинание: “Я любила тебя, я спасла тебя, я дала тебе лед. Я любила тебя, я спасла тебя, я дала тебе лед. Я любила тебя, я спасла тебя, я дала тебе лед”.

Она лежала еще долго, вспоминая теплый августовский день в Нэшвилле и думая, уже не в первый раз, о том, какое это странное чувство – быть одной – после того как вас было двое. Раньше она бы сказала, что двух лет должно вполне хватить, чтобы стереть все ощущение странности, но их не хватило. Время ничего не изменило, лишь слегка притупило остроту горя, так что теперь оно скорее пилило тупым концом, нежели резало. Потому что всё было не по-прежнему. Ни снаружи, ни внутри, ни для нее. Лежа в кровати, в которой раньше лежали двое, Лиззи подумала, что одиночество никогда не ощущается настолько сильно, как в тот момент, когда ты просыпаешься и понимаешь, что дом по-прежнему принадлежит тебе одной. Что ты и мыши в стене – единственные существа, которые все еще дышат.